

когда именно и осматривалъ ли когда порядокъ и производство дѣлъ въ правленіи?—Нѣтъ ли какихъ письменныхъ по званію моему отъ генераль-губернатора приличныхъ наставленій, которыхъ бы я держаться былъ долженъ и о которыхъ онъ въ первомъ своемъ рапортѣ упоминаетъ?» и т. п. Справки были безъ замедленія представлены въ губернаторскую канцелярію. Совѣтники, не зная, съ какою цѣлію онѣ собраны, подписали ихъ, а губернский прокуроръ пропустилъ безъ всякаго возраженія. Получивъ эти справки, Державинъ объявилъ правленію сенатскій указъ о доставленіи требуемаго отвѣта и, основываясь на нихъ, тотчасъ написалъ и отправилъ въ сенатъ свои объясненія. Губернский прокуроръ счелъ долгомъ отправить съ увѣдомленіемъ о томъ нарочнаго въ Рязань. При этомъ извѣстіи Гудовичъ пуще разсвирѣпѣлъ и 2-го октября послалъ въ сенатъ новую жалобу на Державина. Здѣсь онъ говоритъ, что губернаторъ своимъ противозаконнымъ обращеніемъ за справками къ намѣстническому правленію оскорбилъ чинъ и званіе генераль-губернатора, предалъ своего начальника разсмотрѣнію и слѣдствію правленія, «изъ чего сенатъ усмотритъ, укрощается ли правитель Державинъ, и послѣ сдѣланнаго ему отъ сената подтвержденія, въ своихъ противъ него противозаконныхъ поступкахъ»; а потому намѣстникъ вновь проситъ сенатъ «о повелѣніи не отправлять ему, правителю, своей должности» до рѣшенія дѣла по поданнымъ Гудовичемъ жалобамъ.

Между тѣмъ Державинъ все еще не терялъ надежды получить, чрезъ своихъ покровителей, разрѣшеніе отправиться въ Петербургъ для объясненій. Повѣривъ какому-то слуху, что тамъ ждутъ Потемкина, онъ отправилъ туда нарочнаго съ письмами къ Попову и Грибовскому: послѣдній, не получивъ въ Тамбовѣ мѣста директора училищъ, умѣлъ пріютиться подъ покровъ всеильнаго вельможи. Въ этихъ письмахъ Державинъ жалуется, что Гудовичъ запрещаетъ давать ему справки и стараніе получить ихъ называетъ возмущеніемъ. Въ то же время Гаврила Романовичъ написалъ еще письмо и къ самому Потемкину, объясняя, что произошло послѣ высочайшаго повелѣнія проситься въ отпускъ «по командѣ», и возобновляя просьбу исходатай-

ствовать ему «увольненіе въ Петербургъ на самое краткое время. Я же съ собою», кончаетъ онъ, «могу и отвѣты мои правительствующему сенату доставить, и если найдуся виновнымъ, да подвергнуся строгости законовъ» ¹.

Петербургскіе друзья Державина, смотря на его обстоятельства съ точки зрѣнія обыкновенной житейской философіи, не могли, разумѣется, одобрять его образа дѣйствій. Такъ Козодавлевъ 30-го октября писалъ ему: «Позвольте, любезный другъ, попенять вамъ, что вы не во всемъ слѣдовали правиламъ честнаго, позволительнаго или, лучше сказать, должнаго благоразумія. Напримѣръ, когда отъ васъ требуетъ отвѣта вышнее правительство, тогда приказываете вы отвѣчать мѣсту, въ коемъ вы предсѣдательствуете. Когда вамъ велятъ проситься въ отпускъ по командѣ, тогда вы относитесь къ тому же мѣсту, гдѣ вы законами посажены командовать, ибо совѣтники ваши суть вамъ совершенно подчинены. Сіе и сему подобное можно толковать на разные образы; а въ томъ-то и состоитъ *быть мудру яко змѣя*, чтобъ изъ отвѣтовъ вашихъ и изъ исполненія повелѣній вышнія власти ничего иного извлечь было не можно, какъ ваше оправданіе. Что сдѣлано, того уже не передѣлаешь. Богъ, видя ваше сердце, исторгнетъ васъ конечно изъ бездны безпокойствій. Отъ всего сердца желаю, чтобъ хлопоты ваши не повредили вашего здоровья, въ чемъ на твердость духа вашего полагаюсь совершенно. О Катеринѣ Яковлевнѣ я сожалѣю отъ всей души и предчувствовалъ, что она занеможетъ отъ своей чувствительности и воображенія. Пощѣдуйте у нея ручку и скажите ей мое совершенное почтеніе» ².

Прежде нежели въ Петербургѣ получены были объясненія Державина, въ сенатѣ, по послѣдней жалобѣ Гудовича, состоялся указъ, которымъ отъ совѣтниковъ правленія требовалось отвѣта, на какомъ основаніи они давали губернатору справки, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялось, что императрицѣ представленъ докладъ объ отрѣшеніи Державина отъ должности и преданіи его суду. Этотъ обширный докладъ, помѣщаемый цѣликомъ въ нашихъ приложеніяхъ, кончался слѣдующимъ образомъ:

¹ V, 716.

² V, 717.

«Всемиловѣйшая Государыня! Сенатъ, разсматривая всѣ выше изъясненныя происшествія, поставляетъ долгомъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донести, что хотя по поводу первовступившихъ донесеній о непорядкахъ тамбовскаго правителя Державина во отправленіи порученной ему должности, также въ несохраненіи должнаго къ начальнику своему повиновенія, и требовано отъ него отвѣта, но онъ, вмѣсто скорѣйшаго исполненія лично до него касающагося о томъ указа, не только вознамѣрился собраніемъ ненужныхъ справокъ отдалить требуемый отвѣтъ на долгое время, привлекая въ соучастіе своихъ непорядковъ служащихъ въ правленіи чиновниковъ, но въ то же самое время подвергъ къ нѣкоторому изслѣдованію и правящаго должность генераль-губернатора, причиня тѣмъ явную обиду званію его и чину и не уважая предписанія сената, яко вышняго правительства, надъ нимъ поставленнаго, и хотя, по силѣ законовъ, безъ отвѣта и суда, никого винить не должно, но поступки онаго Державина въ послѣднемъ его предложеніи суть гласны и видимы сенатомъ, что онъ дерзновеніемъ и упорствомъ отвергаетъ должное повиновеніе, упослѣждая¹ тѣмъ власть начальства, установленную отъ вашего императорскаго величества, и развращаетъ дѣла службы. Чего ради, во отвращеніе дальнѣйшихъ изъ того послѣдствій, сенатъ и осмѣливается вашему императорскому величеству всеподданнѣйше представить свое мнѣніе, чтобъ помянутаго Державина отъ должности отрѣшить и во всѣхъ его противозаконныхъ дѣяніяхъ предать суду, гдѣ оный надъ нимъ произвести благоугодно будетъ»².

Виновниками такого строгаго рѣшенія, какъ весьма правдоподобно утверждаетъ Державинъ, были князь Вяземскій и, еще болѣе, родственникъ Гудовича Завадовскій, который своею рукою написалъ весь докладъ и при этомъ «показалъ искусство свое въ словоизобрѣтеніи». Вмѣстѣ съ указомъ, гдѣ заявлено было объ этомъ рѣшеніи, присланъ былъ еще другой о наложеніи на

¹ Объ употребленіи этого слова Завадовскимъ, который, по увѣренію Державина, своею рукою написалъ весь этотъ докладъ, см. *Записки*, Т. VI, стр. 529 и 595.

² Иванова *Матеріалы*, стр. 25.

губернское правленіе, по дѣлу Бородина, штрафа въ 17,000 руб. (см. выше стр. 497). Мы уже видѣли, какое впечатлѣніе этотъ приговоръ произвелъ на Державина. Естественно, что слухъ о содержаніи обоихъ указовъ долженъ былъ совершенно уронить его въ глазахъ тамбовскаго общества, и онъ 11-го декабря писалъ Терскому (въ которомъ предполагалъ искреннее къ себѣ участіе, но, какъ послѣ оказалось, ошибался): «Таковыя гостинцы отъ сената и тому подобныя о моемъ несчастіи разглашенія, какъ равно и пріѣздъ генераль-губернатора, который, какъ всѣ здѣсь твердили, привезъ съ собою мое отрѣшеніе, отвергли отъ меня самыхъ близкихъ ко мнѣ людей и по должности, и по пріязни; даже и совѣтники правленія, бывшіе со мною всегда единоголосными и всегда мною уважаемые, возстали противъ меня въ самыхъ ничего не значущихъ дѣлахъ»¹.

Поводомъ къ пріѣзду Гудовича въ Тамбовъ были предстоявшіе въ началѣ декабря выборы, для которыхъ собиралось и дворянство. Державинъ старался сохранять наружное спокойствіе и, продолжая исполнять свои обязанности, представилъ генераль-губернатору рапортъ о состояніи губерніи и списокъ съѣзжавшихся дворянъ.

Въ Николинъ день онъ явился къ своему начальнику на поклонъ съ другими представлявшими лицами, но тотъ не удостоилъ его ни единымъ словомъ. Случайно Державинъ узналъ отъ постороннихъ, что выборы назначены 8-го числа; наканунѣ вечеромъ онъ позвалъ къ себѣ коменданта (исправлявшаго и должность городничаго) и отъ него услышалъ, что ему словесно велѣно повѣстить чрезъ полицію, чтобъ завтра въ девять часовъ утра дворянство собралось въ домъ намѣстника, а купечество въ магистратъ для выборовъ, на счетъ же губернатора не было никакого приказанія.

Въ недоумѣніи, не отрѣшенъ ли онъ уже отъ должности, Державинъ хотѣлъ было, сказавшись больнымъ, остаться дома; но, по совѣту случившихся у него «почтенныхъ людей» изъ другихъ губерній, рѣшился въ назначенное время явиться къ на-

¹ V, 724.

мѣстнику для принятія его повелѣній. Подошедъ къ нему при многихъ чиновникахъ и губернскомъ прокурорѣ, Державинъ сказалъ: «До свѣдѣнія моего дошло, что сегодня назначено открытіе выборовъ: то не угодно ли будетъ вашему превосходительству чего и мнѣ поручить?» — Гудовичъ отвѣчалъ, что всѣ нужныя приказанія отданы губернскому предводителю, а въ немъ, Державинѣ, нѣтъ никакой надобности. Губернаторъ поклонился и, не говоря ни слова, вышелъ. Затѣмъ, не имѣя никакого предписанія о времени производства городскихъ выборовъ, для которыхъ сроки, по закону, долженъ былъ назначать намѣстникъ, Гаврила Романовичъ, письменнымъ рапортомъ, отнесся къ нему съ просьбою рѣшить этотъ вопросъ, и копію съ этого рапорта сообщилъ намѣстническому правленію. Совѣтники правленія, напуганные сенатскимъ указомъ, требовавшимъ отъ нихъ отвѣта за выдачу Державину справокъ, не приняли этой бумаги и подали генералъ-губернатору свое мнѣніе. Гудовичъ вошелъ въ сенатъ съ новымъ донесеніемъ на Державина, обвиняя его за неназначеніе своевременно сроковъ городovýmъ выборамъ. Ожидая, что въ слѣдствіе этого «будетъ еще новая исторія и матерія для сужденія сената» и, уже не полагаясь на правосудіе его, Державинъ просилъ Терскаго, «гдѣ можно замолвить за него слово и внушить, что онъ поистинѣ не заслуживаетъ такого гоненія, которымъ безвинно всѣ на него возстали».

Дѣйствительно, положеніе Державина было невыносимо; вотъ какъ онъ въ томъ же письмѣ описывалъ его: «Губернаторъ больше уже здѣсь не существуетъ. Я съ каждымъ шагомъ опасаясь, чтобъ не сдѣлали какой привязки. И даже до того загнанъ и презрѣнъ, что весь городъ до послѣдняго офицера приглашается въ домъ генералъ-губернатора на обѣды, на маскарады и на балы, бывающіе по случаю выборовъ; но я и Катерина Яковлевна ни въ какое публичное собраніе не призываемся, и хотя означенные пиры въ домѣ государевомъ и, можно сказать, отъ щедротъ великой Екатерины устраиваются; но губернаторъ оныхъ съ его женою лишенъ. Напротивъ того, въ торжественные дни, когда назначалъ я у себя публичное собраніе, какъ то и въ нынѣшній Екатерининъ день, то я даже самыхъ моихъ зло-